

ЖАН БОДРИЙАР

Насилие глобализации

Неизбежна ли глобализация? Все другие культуры в отличие от нашей каким-то образом уходили от фатальности этого безучастного товарообмена. Где критический порог перехода к универсальному, а затем к глобальному? Что за головокружение толкает мир к абстрактным Идеям, и что за помутнение сознания толкает к безоговорочному претворению в жизнь этих Идей?

Универсальное было Идеей. Как только идея воплощается в глобальном, она кончает жизнь самоубийством, как Идея, как идеальный финал. Человеческое становится исходной эталонной инстанцией, и отныне господствует одно человечество, имманентное самому себе, занявшее пустующее место умершего Бога. Но оно не имеет конечного смысла, разумного основания. Не имея больше врагов, человеческое их порождает изнутри вместе с целым родом бесчеловечных метастаз. С этого момента насилие глобального — насилие системы, которая третирует любые формы негативности, сингулярности, включая крайнюю форму сингулярности, а именно, саму смерть — насилие общества, где мы в принципе лишены права идти на конфликт, где запрещена смерть — насилие, которое кладет конец в некотором смысле самому насилию и работает над тем, чтобы поставить на место мир свободный от всякого естественного порядка вещей, будь то тело, секс, рождение или смерть. Более чем о насилии, нужно было бы говорить о его ядовитости. Насилие вирусно: оно осуществляется через заражение, цепную реакцию и постепенно разрушает весь наш иммунитет и способность сопротивляться.

Между тем, ставки еще не сделаны, и глобализация заведомо не выиграла. Перед лицом этой унифицирующей и разлагающей власти видно как повсюду возникают разнородные силы — не просто отличные друг от друга, а антагонистичные. За все более активным противостоянием глобализации, за сопротивлением политическим и экономическим стоит архаичное неповиновение: что-то вроде мучительного ревизионизма относительно достижений современности и «прогресса», неприятие не только глобальной техноструктуры, но и ментальной структуры равноценности всех культур. Воскрешение этого архаизма может возрождать черты насилия, аномальности, иррациональности на фоне нашей просвещенной мысли — этнических, религиозных, лингвистических коллективных форм, но также на фоне индивидуальных психических отклонений и неврозов. Было бы ошибкой клеймить эти приступы и вспышки как популистские, архаичные и даже терро-

ристические. Все, что привлекает всеобщее внимание сегодня, направлено против этой абстрактной универсальности, включая антагонизм ислама и западных ценностей (поскольку в нем заложен наиболее пылкий протест и он сегодня враг номер один).

Что может помешать глобальной системе? Конечно, не антиглобалистское движение, у которого одна лишь цель — притормозить ослабление регуляторной функции. Политическое воздействие может быть ощутимым, а символический удар ничтожен. Это насилие — также что-то типа внутренних, неожиданных превратностей, которые система может преодолеть, сама ведя игру. То, что может помешать системе, связано не с позитивными альтернативами, а с сингулярностями. А они ни позитивны, ни негативны. Они не могут быть альтернативой, они совсем другого порядка. Они не подчиняются ни ценностным суждениям, ни принципам политической реальности. Они могут быть чем-то самым лучшим или наихудшим. Их невозможно объединить в федерацию во всеобщем историческом действии. Они разрушают любые общие и доминирующие идеи, но они не являются одновременно общей контр-идеей — они придумывают собственную игру и у них свои правила.

Сингулярности не являются неизбежно жестокими, насильственными, среди них есть и весьма сублильные: язык, искусство, тело, культура. Но есть и жестокие — как терроризм. Такого рода сингулярность мстит всем уникальным культурам, которые заплатили своим исчезновением за восстановление этой единственной глобальной власти.

Речь не идет о «цивилизационном шоке», но о почти антропологическом столкновении между универсальной недифференцированной культурой и всем тем, что в какой бы то ни было области сохраняет нечто от неустранимой несхожести, от инаковости.

Для глобальной державы, такой же фундаменталистской, консервативной, как религиозная ортодоксия, все отличные от нее, сингулярные формы являются ересями. Поэтому они обречены либо на возвращение волей-неволей в глобальное устройство, либо должны исчезнуть. Миссия Запада (или скорее экс-Запада, поскольку он уже давно не имеет собственных ценностей) заключается в том, чтобы всеми средствами подчинить другие культуры хищническому закону равнозначности, эквивалентности. Культура, которая утратила свои ценности, может лишь отыгрываться на ценностях других. Даже войны, в том числе в Афганистане, помимо политической и экономической стратегии нацелены на нейтрализацию дикости и выравнивание всех территорий. Цель — минимизировать непокорное пространство, колонизировать, подчинить все дикие зоны, будь то в географическом пространстве или в ментальном пространстве.

Создание глобальной системы есть результат лютой зависти: зависти культуры, индифферентной культуры с нечеткими дефинициями по отношению к культуре «высокой четкости» — зависти разочарованных, дезактивированных систем, по отношению к культурам высокой активности-зависти десакрализованных обществ по отношению к культурам, сохранившим жертвенные формы. Для подобной системы любое строптивное устройство предположительно террористическое. Например, Афганистан. Если на тер-

ритории, где все «демократические» права и свободы — музыка, телевидение и даже лица женщин под запретом, если страна полностью отвергает то, что мы называем цивилизацией — на какие бы религиозные устои она не ссылалась, для остального «свободного» мира это невыносимо. Речь не о том, чтобы отказать современности в ее притязаниях на универсальность. Каким бы очевидным Добром и естественным идеалом в своем роде она не пыталась предстать, универсальность наших нравов и ценностей ставится под сомнение, несмотря на то, что некоторыми умами это характеризуется как фанатизм и нечто само по себе преступное в отношении единого мышления и консенсуальных перспектив Запада. Это противостояние может быть понято лишь в свете символической необходимости. Чтобы понять ненависть всего остального мира к Западу, нужно ниспровергнуть все существующие точки зрения. Это не ненависть тех, у кого взяли все и не вернули ничего, скорее ненависть тех, кому все дали так, чтобы они не смогли вернуть. Значит, это не ненависть эксплуатируемых или лишенных собственности, это злоба униженных. И 11 сентября терроризм ответил на унижение: унижением за унижение. А для мировой державы худшее даже не подвергнуться агрессии или быть разрушенной, а претерпеть унижение. 11 сентября она была унижена, так как террористы нанесли ей «удар», который вернуть она не сможет. Все репрессии могут быть связаны только с физической риторикой, в то время как эта держава была подавлена символически. Война отвечает на агрессию, но не на вызов. От вызова можно оправиться, только в свою очередь, унизив другого (но уж точно не громя его бомбами и не запирая как собаку в Гуантанамо).

Основа всякого превосходства — это всегда отсутствие «возмещения», исходя из фундаментального правила. Односторонний дар есть акт власти. И империя Добра, насилие Добра состоит как раз в том, чтобы давать без возможного возмещения, безвозвратно, безвозмездно. Фактически заняв место Бога. Или Хозяина, который сохраняет жизнь рабу взамен за его работу (но работа не является символическим возмещением, поэтому единственным выходом в конечном итоге оказывается либо бунт, либо смерть). К тому же оставляет ли Бог место жертвоприношению? В традиционном плане всегда есть возможность воздать должное Богу, природе или любой другой инстанции, принеся им жертву. Это то, что обеспечивает символическое равновесие людей и вещей. Сегодня нет никого, кому можно было бы воздать символический долг — в этом и есть проклятие нашей культуры. Не то, чтобы принести дар было невозможно, невозможен обратный дар, поскольку все жертвенные пути отрезаны и обезврежены (остается только пародия жертвы, осязаемая во всех сегодняшних проявлениях жертвенности, так называемой «виктимальности»).

Мы пребываем в жестком и достаточно суровом положении, получая, причем всегда получая, не от Бога или природы, а от технического механизма общего товарообмена и всеобщего вознаграждения. Потенциально нам все дано, и мы имеем волей-неволей право на все. Мы рабы, которым сохранили жизнь, и которые связаны теперь неразрешимым долгом. Все это может долго функционировать, благодаря включенности в товарооборот и экономический порядок, но в определенный момент фундаментальное

правило над ним восторжествует, и на этот позитивный трансфер неизбежно ответит негативный контр-трансфер, неистовая обратная, освобождающая от чувства подавленности, реакция на эту рабскую жизнь, на это защищенное существование, на эту пресыщенность существованием. Эта реверсия принимает формы то открытого насилия (включая терроризм), то беспомощного неприятия действительности, характеризующего нашу современность, то ненависти к себе, угрызений совести и всех прочих негативных страстей, которые собственно и являются искаженной формой невозможности контр-дара.

То, что мы презираем в себе, трудноразличимый объект нашей злобы — это как раз избыток реальности, избыток власти и комфорта, этой всеобщей свободы, этого окончательного осуществления — участь, которую приберег для «домашних», «ручных» масс Великий Инквизитор Ф. Достоевского. Вот, что конкретно отвергают террористы в нашей культуре — отсюда широкий отклик, который они находят и гипнотическое очарование, которое излучают. Также как и на отчаянии униженных и оскорбленных, терроризм покоится на незримом отчаянии привилегированных глобализацией, на нашем собственном подчинении интегральной технологии, подавляющей виртуальной реальности, фактическому господству сетей и программ, которое уже очерчивает инволюционный, стареющий профиль человеческого рода вообще. Человеческого рода, ставшего «глобальным» (главенство человека над всем остальным на планете, не является ли в сущности прообразом сегодняшнего западного этноцентризма?). И это наше незримое отчаяние лишено и жалоб, и апелляций, ведь оно происходит из осуществления всех желаний.

Если терроризм берет начало в этом избытке реальности одних и невозможности вернуть долг других, в этой безвозмездной щедрости одних и подневольности других, то весьма иллюзорно его искоренение как тотального и объективного зла, поскольку, таким, каким он есть в своей абсурдности, терроризм есть осуждение и приговор, который это общество само себе и выносит.

Ноябрь 2002

Перев. с франц. Юлии Бессоновой

Данный отрывок взят из эссе «Power Inferno». Печатается по изданию: LE MONDE DIPLOMATIQUE, NOVEMBRE 2002, Page 18